

Роджер Желязны

Коллекция Малатесты

Роджер Желязны
Коллекция Малатесты

Vladimir

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161200

Роджер Желязны

Коллекция Малатесты

Мне будет не хватать этих книг. Может, я просто стареющий пережиток тех развратных времен, однако мне нравится думать, что в моей привязанности есть и чисто научный интерес.

Но я ведь помог обнаружить их, и это единственное, что удерживает меня здесь теперь, когда их спрятали.

Не заблуждайся на этот счет, Космический Глаз, я говорю не от себя лично. Во всех нас есть что-то от меня, так же, как от Пола Малатесты.

Роден сейчас как раз взбирается на платформу. Книги спрятаны в ящик, ящик замурован в угловой камень, а статуя задрапирована.

Сегодня исполняется год с тех пор, как он сделал это открытие, совершенно случайно. Он копался в яме, этот чокнутый скульптор, раскапывал дыру во Времени. Это была одна из тех неразобранных насыпей, где иногда находят фрагменты древних цивилизаций. Он частенько ковыряется в них, надеясь наткнуться на бюст, торс или кусок фрески. Время от времени он наталкивается на потрясающие открытия.

Но коллекция Малатесты единственная в своем роде.

– Этот случай заслуживает некоторых комментариев, – начинает он. – Продиктовано ли это его печальной известностью или той ценностью, что он может представлять для историков, этого я сказать не могу. Но одно я могу сказать, – продолжает он. – То, что вы делаете, – неправильно. В свете вечных ценностей, вы совершаете грех, хороня то, что еще живо.

Вокруг него на платформе теснятся встревоженные лица. Но никто его не прерывает; никакое сопротивление невозможно перед массивным достоинством его девяноста лет. И он продолжает:

– Я добровольно принял участие в этой церемонии, потому что каждая могила заслуживает памятника, и это так же верно, как то, что корни порождают дерево. Каждый ушедший заслуживает достойного слова, хотя бы и с опозданием на столетия. Мы вызвали их на свет божий на краткий миг, и вы, дети света, были потрясены, ибо они оказались живыми. Теперь вы их хороните вновь, и меня, их отчима, позвали, чтобы увековечить то, что вы делаете. Я ненавижу вас, всех вас. Но вы должны выслушать меня – вы слишком вежливы, чтобы отказаться, – и, без сомнения, вы будете аплодировать, когда я закончу. Я помню день, когда мы нашли их...

Я тоже помню тот день. Его сухенькая фигурка в неизменном поношенном плаще ворвалась в мой кабинет, подобно стреле. Дверь громыхнула о стену, и он запрыгал с ноги на ногу перед моим столом:

– Идем, быстро! Я нашел душу наших предков!

Он заметался, как ласточка, сделав несколько ложных выпадов к двери, хлопая себя по карманам, и тут вдруг заметил, что я даже не встал.

– Поднимайся на ноги и идем со мной! – приказал он. – Это слишком долго ждало нас!

– Сядьте, – сказал я ему. – У меня через полчаса лекция по Древней Литературе. Лишь нечто в высшей степени важное может отменить ее.

Его белые усы разлетелись в стороны.

– Древняя Литература! Все еще умиляетесь Памелой и Давидом Копперфильдом? Позволь мне сказать тебе кое-что: есть вещи гораздо более великие, и они у меня!

У Родена была Репутация.

Он был чудачком, почти парией, игрушкой богатых, хотя и швырял им оскорбления прямо в лицо, друг художника, которого он всегда воодушевлял на труды, хотя и в инфантильной манере, – человек богемы в эпоху, когда богема не может существовать, поставщик дешевого искусства за комиссионные, творец искусства, которое осталось незамеченным. Величайший из живущих скульпторов.

В конце концов он уселся в кресло, едва не превратив меня самого в статую своим величием.

– Я не упрямясь, – извинился я. – Просто у меня свои обязательства. Я не могу срываться с места, пока не знаю, за чем предстоит охотиться.

– Обязательства, – повторил он обманчиво мягким тоном. – Да, пожалуй, это важно. В наши дни каждый пеняет на обязательства. Немного осталось людей свободного духа, охотников за Граалем, которые поверили бы старику на слово, что существует нечто действительно важное, на что можно потратить час-другой.

Мне было больно это слышать, потому что я уважаю его больше, чем кто бы то ни было – за энциклопедические познания в искусстве, за его зажигательную эксцентричность и за тот холодный огонь, который пылает в его работах.

– Простите, – сказал я. – Расскажите мне, в чем дело.

– Ты – преподаватель литературы, – возвестил он. – Я нашел для тебя непрочитанную библиотеку.

Я глотнул, зажмурился, и перед моими сомкнутыми веками поплыли полки с книгами.

– Старые книги? – прошептал я.

Он кивнул.

– Насколько старые?

– Многие относятся к девятнадцатому и двадцатому векам, но есть множество более древних.

Меня затрясло. Сколько лет мечтал я о такой находке! Насыпи в основном содержали мусор: бумага столь недолговечна.

– Много? – спросил я.

– Много, – признался он.

– Мне нужно сказать секретарю факультета, что лекции

не будет. – Я встал. – Вернусь через минуту. Это далеко?

– Час езды.

Я полетел по коридору, сбрасывая с себя обязательства, словно перья.

* * *

Осмотрев их, мы не могли поверить в свою удачу. Их было так много, и все превосходно сохранились во тьме веков. Мощные стены строения уберегли их от влаги, старения, насекомых...

Я перебирал их дрожащими руками. Бэкон? Легендарный Шекспир, от которого до нас дошло только имя? Могли ли они так говорить? Я был очарован. Великолепная язвительность Марка Твена сохранилась – но это!

Я осторожно закрыл *1601* и вложил в защитную упаковку, которую захватил с собой. Открыл книгу, принадлежащую перу человека по имени Миллер.

Через десять минут мне стало плохо, очень плохо. Я взял бутылку вина, которую Роден извлек из-под плаща. Пока я пил, он хранил молчание.

Пристроившись в углу, он делал странный набросок в свете свечи.

То, что осталось от двух человеческих существ, покоившихся на том, что осталось от кровати. Я старался не смотреть в том направлении, но их позы не вызывали сомнения. Но мои глаза то и дело обращались на руки скелетов. Я видел, что они лежали обнявшись, когда упала бомба; я ощущал, как бетон сотрясался от взрыва, тщетно пытаюсь остановить радиацию, поглотившую его создателя. И вот теперь скелет обнимал скелет в саду из книг, скаля зубы в адрес живых созерцателей.

Я сделал вид, что изучаю «Молль Фландерс», заслонившись книгой от этого зрелища.

– Это место называли убежищем отшельника, не так ли?

– Верно. Многие люди строили их перед темными временами.

– И этот человек, – я взглянул на изящный экслибрис на странице «Кама Сутры», – этот Пол Малатеста подготовил свое убежище довольно необычным образом, правда?

– Не знаю. – Он захлопнул альбом. – Не знаю, как они мыслили в те дни, но думаю, он оснастил его тем, что лелеял всю жизнь.

– Я преподаю литературу, – размышлял я вслух, – но никогда не слышал об этих книгах: автобиография Харриса, «Стихи по разным поводам» Рочестера, «Непристойности»,

«Гамиани», «Шлюхи», «Фестиваль любви» Корайата.

– Значит, пора услышать, – отозвался он, – поскольку они перед тобой.

– Но язык, – запротестовал я, – и предмет описания... все это так... так...

– Грубо? – подсказал он. – Приземленно? Примитивно? Сортирно? Неприлично?

– Да.

– Я нашел это место вчера. Всю ночь читал. Нам нужны эти книги, если мы хотим иметь верное представление о наших предках и самих себе.

– Самих себе?

– Да. Тебе бы лучше почитать вон те книги, – показал он на полку, – написанные неким Фрейдом. Ты думаешь, человек абсолютно рационален и морален?

– Конечно. Мы уничтожили преступность, образование стало обязательным. Мы далеко ушли от своих предков, как в этическом, так и в интеллектуальном плане.

– Чушь! – вновь фыркнул он. – Основополагающая природа человека оставалась неизменной на протяжении всей истории, насколько я могу понять.

– Но эти книги!..

– В те времена они уже летали на Луну, побеждали болезни, от которых мы страдаем до сих пор. Они признавали демонический дух Диониса, который живет в каждом из нас. Книги, которые дошли до нас, были просто наиболее мно-

гочисленными – маленькие тайники всегда снабжали нас самыми важными открытиями, – если только ты не считаешь обилие признаком величия.

– Я не знаю, как они будут восприняты. . .

– Будут ли они восприняты, – тихо поправил Роден.

– Если вы выбрали путь демократизации искусства вне жизни, я бессилён остановить вас. Я могу только протестовать. Я могу частично оправдать вас в силу того, что вы все-таки решили не сжигать их. Но ваше решение заставить их дожидаться появления более квалифицированного поколения читателей равносильно вечному проклятию. И вам это известно, и я, в свою очередь, осуждаю вас за эту акцию. . .

* * *

Какой переполох, какую бурю критики, как научной, так и общественной, довелось мне тогда поднять!

Когда я принес коллекцию Малатесты в университет, из рядов профессуры раздались радостные возгласы, быстро сменившиеся удивленным поднятием бровей. Я не такой патриарх, как Роден, но в обществе, столь правильном, как наше, я достаточно стар, чтобы избежать открытых оскорблений. Но многие едва удерживались. Сначала наступила растерянность.

– Это, безусловно, очень важная находка. Несомненно, книги проливают новый свет на историю литературы. Разу-

меется, они заслуживают самого пристального изучения. Но широкая публика... Словом, лучше подождать до тех пор, пока мы сумеем до конца оценить их.

Я никогда не сталкивался с таким отношением и сказал им об этом.

Мне показалось, что вокруг стола в конференц-зале сидят ледяные статуи. Они предпочли проигнорировать мои слова, лишь осуждающие взгляды поблескивали сквозь толстые стекла очков.

– Но Чосер, – настаивал я, – Хусманс, «Орестея»! Нельзя просто выбросить их вон только потому, что вам неприятно это читать! Все это – литература, квинтэссенция жизни, пропущенная через призму гениальности!..

– Мы не убеждены, – сказала одна из ледяных статуй, – что это является искусством.

Я взорвался и ушел с работы, но моя отставка не была принята, поэтому я все еще здесь. Литература – она как пирог, один кусок лучше, чем ни одного.

– Вы не выпустили их в свет. Вместо этого вы заточили их в краеугольный камень вашего нового Здания Философии – которое само по себе демонстрирует скрытую иронию жизни – и поручили мне, по прошествии года, соорудить им надгробие. Вы предпочитаете не использовать этого слова, но дабы смягчить муки совести – вы же люди высокоморальные – вы не смогли увековечить величие того, чему были свидетели, хотя и отнеслись к этому с презрением. Я соорудил

ваш мемориал – и это не мой обычный храм Маммоны, где ангелы моего раскаяния шныряют меж морских раковин, но памятник Человеку, такому, каким он был, есть и пребудет вечно...

О, мертвый Малатеста, со своей бледной госпожой Франческой укрывшийся в радиоактивной печи, пока ракеты пели свой гимн смерти!.. Рыдала ли она? Что сказала она в последний миг? Я читал твой дневник вплоть до финальной записи в последний день: «Мы поджариваемся. Дьявол! Нас найдут так, будто мы начали...» Я восхищаюсь тобой, Малатеста, так же, как я восхищаюсь Кастильоне и Да Винчи, – эрудит, ученый и человек до мозга костей! Вращайтесь же по своим орбитам, человеческие атомы, вы сделали закат моей жизни более красочным... Это, – он протянул руку к темному покрывалу, – воплощение человеческого начала.

Он сдернул покров.

Университетский двор наполнился вздохами, а мои глаза – слезами. Роден совершил это! В какую бы кладовку, на какой бы чердак они это ни спрятали, его слава будет жить в сердцах потомков.

Стальные ребра, покрытые белой эмалью, – та ужасная поза! – руки скелетов в вечном чувственном объятии и исполненные похоти улыбки на лицах, лишенных плоти.

На бронзовом пьедестале высечена простая надпись: «Поцелуй Родена».

И тут до меня донесся голос из зала:

– Вот оно. Делайте с этим что хотите – но никогда не подпускайте меня к этому близко!

Невольные аплодисменты разбили тишину, смешиваясь со вздохами и тихими комментариями.

В тот день я уволился еще раз, на этот раз окончательно.